

тельно спала съ моихъ глазъ. Я воочію увидѣлъ, что мы безпопвцы въ конецъ погибаемъ, — и присоединился къ Грекороссійской Христовой Церкви.

Свящ. Т. Расторгуевъ.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

ВАСИЛІЙ ГЕОРГІЕВИЧЪ УСПЕНСКІЙ,

Протоіерей Саратовской Покровской церкви, благочинный Саратовскихъ градскихъ приходскихъ церквей.

(Продолженіе).

О. Протоіерей В. Г. Успенскій, какъ священникъ, былъ самымъ ревностнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей. Онъ отъ начала своего служенія ни о чемъ иномъ не заботился, какъ объ учительствѣ или руководствѣ своихъ пасомыхъ словомъ и добрымъ примѣромъ собственной жизни, и это онъ считалъ самую первую обязанностію. Онъ неупустительно проповѣдывалъ слово Божіе, и у него между словомъ и дѣломъ не было никакого разлада. Учительская дѣятельность о. В. имѣла самый разнообразный характеръ. Онъ пользовался для этого и проповѣдью въ церкви, и обученіемъ дѣтей своихъ прихожанъ въ школь, и виѣ-богослужебными собесѣдованіями, и частными бесѣдами съ прихожанами на домахъ. У него ни одна божественная литургія не оканчивалась безъ произнесенія пастырской проповѣди. Онъ, подпуская народъ даже къ кресту, не переставалъ учить его, но возбуждалъ всѣхъ къ благому дѣланію. Любимымъ предметомъ его церковныхъ поученій была любовь къ ближнимъ, въ особенности къ бѣднымъ и убогимъ, къ страждущимъ и нуждающимся всякаго рода.

О. В. принималъ также самое дѣятельное участіе и въ дѣлѣ народнаго образованія, считая школьное образованіе самымъ дѣйствительнымъ средствомъ распространенія среди своихъ прихожанъ здравыхъ понятій и христіанскаго про-

свѣщенія и чрезъ это за свое 33-хъ-лѣтнее время законоучительства приобрѣлъ громадное вліяніе даже на родителей своихъ питомцевъ. Твердо убѣжденный въ святости своего призванія, онъ съ твердою вѣрою и любовію вселялъ въ умы учащихся священныя истины христіанства и сѣялъ въ сердца ихъ сѣмена добродѣтели. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ учителей, служившій вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ училищѣ.

«Протоіерей В. Г. Успенскій довольно долгое время состоялъ законоучителемъ Саратовскаго городского 7-го мужскаго народнаго училища, находящагося въ его приходѣ, и во все время своей службы отличался замѣчательною аккуратностью въ посѣщеніи уроковъ Закона Божія. Не смотря на то, что у него была масса разнообразныхъ обязанностей, онъ всегда являлся въ школу въ тѣ именно часы, которые по росписанію для него были назначены. Опоздавши въ классъ по какой-либо случайности на 5—10 минутъ, онъ всегда очень сожалѣлъ о пропущенномъ времени. Когда же онъ въ извѣстный день совсѣмъ не могъ быть въ школѣ на своихъ урокахъ, то постоянно объ этомъ извѣщалъ завѣдующаго училищемъ и просилъ его предупредить учителей отдѣльной и затѣмъ предупреждалъ, что пропущенные уроки онъ выполнитъ въ слѣдующіе свободные дни. Я не помню случаевъ, когда бы онъ не возмѣстилъ пропущенныхъ уроковъ. Являясь въ школу послѣ такихъ извѣщеній, онъ всегда сообщалъ причину «небытія». «Онъ считалъ своею обязанностью и исполненіе требъ по школѣ, т. е. служеніе молебновъ и панихидъ. И всегда по первому извѣщенію о необходимости исполненія той или другой требы, являлся съ причтомъ и обставлялъ служеніе возможною торжественностью и всегда предъ началомъ службы говорилъ слово, соотвѣтствующее случаю. Нужно сказать, что за исполненіе этихъ требъ онъ никогда ничего не бралъ, хотя ему и предлагали».

«Отличительными чертами его обращенія съ учениками были: мягкость, кротость и особенное добродушіе. Онъ почти никогда не примѣнялъ никакихъ наказаній, за что ученики всѣ его любили и были съ нимъ откровенны. Неисправнымъ и шаловливымъ ученикамъ давалъ наставленія и увѣщевалъ ихъ исправиться. Въ исключительныхъ же случаяхъ, когда никакія увѣщанія не дѣйствовали и когда необходимость требовала прибѣгнуть къ какимъ-либо наказаніямъ, онъ обращался къ учителямъ и просилъ обратить на непослушныхъ учениковъ особенное вниманіе и принять какія-либо мѣры къ ихъ исправленію. Онъ говорилъ: «ужь вы ихъ какъ нибудь накажите, а то совсѣмъ не слушаютъ».

Любовь учениковъ къ отцу В. не прекращалась, но еще болѣе укрѣплялась, и по выходѣ ихъ изъ училища; о. Василій не упускалъ ихъ изъ вида, слѣдилъ за своими питомцами и при случаѣ давалъ имъ полезные совѣты, за что послѣдніе оставались ему благодарными на всю жизнь».

Со всѣми учителями школы онъ былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ *).

«Обращая особое вниманіе на религіозное воспитаніе учениковъ, онъ приглашалъ и учителей помочь ему въ этомъ. Онъ совѣщался съ ними, что и какъ пужно бы сдѣлать въ этомъ отношеніи, гдѣ и за чѣмъ понаблюдати, и всегда умѣлъ такъ поставить дѣло, что учителя съ особеннымъ удовольствіемъ принимали его совѣты и указанія».

«Вообще онъ оставилъ по себѣ хорошую память». — На другой день его кончины, попечитель школы, всѣ преподаватели и ученики присутствовали на панихидѣ въ его квартирѣ, и панихиду пѣли ученики школы. Во время погребенія также всѣ находились въ церкви, и учениками на гробъ покойнаго былъ возложенъ вѣнокъ съ надписью на лентѣ:

*) Были случаи, когда нѣкоторые учителя обращались къ нему съ просьбою о денежномъ пособіи на время, и онъ никогда не отказывалъ.

«Отцу законоучителю отъ 7-го мужскаго училища». Какъ преподаватели, такъ и ученики сопровождали гробъ покойнаго до окраины города».

Учительская дѣятельность о. В. не ограничивалась одною только церковью и школою. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ учредителей церковныхъ вѣ-богослужебныхъ собесѣдованій въ своемъ приходѣ и нѣсколько лѣтъ сряду, до самой своей смерти, непрерывно велъ воскресныя чтенія, доброе вліяніе которыхъ успѣло уже отразиться въ нѣкоторыхъ явленіяхъ народной жизни. Каждый воскресный день въ осенніе и зимніе мѣсяцы, послѣ вечерни, въ началѣ въ храмѣ, а въ послѣднее время въ помѣстительной классной комнатѣ мѣстнаго церковно-приходскаго училища, весьма охотно собирались прихожане обоюго пола и возрастовъ и съ глубокимъ вниманіемъ въ теченіе часа слушали читаемое своимъ добрымъ пастыремъ. Чтеніе начиналось и оканчивалось общимъ пѣніемъ молитвъ общеупотребительныхъ и церковныхъ дѣспощвнй. Предметомъ чтеній служили объясненіе Евангелія, читаннаго на литургіи, житіе святаго, который праздновался въ тотъ день или въ теченіе седмицы. Читались поучительныя разказы изъ жизни народной, которые онъ заимствовалъ изъ разныхъ духовныхъ журналовъ, выписывавшихся имъ въ большомъ количествѣ, — и разказы эти всегда производили на слушателей большіе впечатлѣніе.

Собранія прихожанъ на воскресныя чтенія бывали очень многочисленны.

Бѣдная обстановка, среди которой выросъ о. В., научила его не презирать бѣдность, а относиться къ ней съ состраданіемъ и участіемъ. Посѣщая жилища своихъ прихожанъ съ требой или по другому какому-нибудь случаю, онъ обязательно наблюдалъ, чтобы жизнь его прихожанъ была согласна съ званіемъ христіанина и, въ частности, каждый членъ семьи неуклонно исполнялъ свои обязанности; спрашивалъ о жизни ихъ, здоровьи; послушны ли дѣти,

всѣ ли ходятъ въ церковь, всѣ ли учатся. Если призываемъ былъ къ больному, садился около него, утѣшалъ, разспрашивалъ о болѣзни, рекомендовалъ нѣкоторыя средства къ излѣченію болѣзни, которыхъ онъ зналъ, между прочимъ, очень много, почему къ нему обращались очень часто, какъ къ доктору. Подобнаго рода посѣщенія и бесѣды много содѣйствовали сближенію и тѣсному духовному соединенію его съ пасомыми.

Поводовъ къ частнымъ пастырскимъ бесѣдамъ о. В. съ прихожанами было очень много, такъ какъ въ продолженіи 33-хъ лѣтняго здѣсь служенія ему приходилось присутствовать почти при всѣхъ, болѣе или менѣе важныхъ, какъ радостныхъ, такъ и печальныхъ событіяхъ въ семейной жизни каждаго изъ прихожанъ. Кромѣ того, прихожане часто обращались къ нему за добрымъ совѣтомъ въ разныхъ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни и семейныхъ недоразумѣніяхъ, и никого не отпускалъ онъ отъ себя безъ утѣшенія, и всѣми этими случаями, какъ ревностный пастырь, о. В. пользовался для духовнаго руководства своихъ пасомыхъ, такъ что для него, въ подобнаго рода случаяхъ, каждый частный домъ былъ своего рода церковью, по истинѣ обширнымъ полемъ для учительской дѣятельности. Живая бесѣда его всегда имѣла весьма сильное вліяніе на образъ мыслей и направленіе воли его собесѣдниковъ. Для многихъ изъ нихъ на всю жизнь останутся любезными многія черты его высокой и вмѣстѣ добрѣйшей души и стойкаго, твердаго характера.

Избѣгая щегольства въ одеждѣ, о. В. не позволялъ себѣ и внѣшней неопрятности (ходить съ непричесанными волосами, носить засаленную и съ заплатами одежду и т. п.). Особенно онъ имѣлъ это въ виду при отправленіи своемъ въ церковь для совершенія богослуженія. Самый внѣшній видъ его убѣждалъ другихъ въ томъ, какъ онъ глубоко былъ проникнутъ святостью предстоящаго ему дѣла. Въ хра-

мѣ, во время каждаго священнодѣйствія онъ держаль себя съ полнымъ благоговѣніемъ. Произношеніе возгласовъ, а равно и чтеніе молитвъ у него было песпѣшное, внятное и осмысленное. Во время служенія молебновъ въ храмѣ или на дому о. Василій любилъ преклонять колѣна, да преклонится Господь на милость къ молящимся Ему.

Къ причту о. В. относился чисто отечески, не мстительный былъ; сору изъ избы не любилъ выносить. Если нужно было кому нибудь сдѣлать выговоръ, сдѣлаетъ это келейнымъ образомъ и наединѣ,—и тѣмъ кончалось. Не смотря на большія трудности согласовать свои законныя требованія съ самовольными уклоненіями причта отъ исполненія прямыхъ обязанностей, часто даже намѣренными, о. В., какъ добрый отецъ, умѣлъ всегда находить въ упрямыхъ послушникахъ ту или другую хорошую черту въ характерѣ и пользовался ею на пользу церкви.

Послѣдній годъ своей жизни о. В. очень часто предупреждалъ свою жену, что ему недолго остается жить. Чувствовалъ, что силы все слабѣютъ и слабѣютъ. Очень сильное впечатлѣніе произвелъ на него видѣнный имъ въ декабрѣ 1890 г. сонъ.

„Снилось мнѣ, говорилъ о. В., что я служилъ соборнѣ при большомъ стеченіи народа и духовенства. По окончаніи службы, мы стали выходить изъ церкви. Смотрю и удивляюсь. Мы всѣ идемъ въ степь. Все духовенство шло въ облаченіи. Первый шель мой тесть *), вторымъ шель о. архимандритъ Евсевій **), третьимъ ключарь В. Г. Копропимовъ ***), четвертымъ я, а по бокамъ и позади многое множество знакомыхъ и незнакомыхъ духовныхъ и мірянъ и вся эта масса тѣсно идетъ по одной дорогѣ“. Когда померъ

*) Протоіерей Г. А. Росницкій, умершій въ ноябрѣ 1889 года. Послѣдніе годы своей жизни онъ жилъ у В. Г. Успенскаго и умеръ у него.

***) Умеръ ноябрѣ 27 дня 1889 г.

***) Умеръ ноябрѣ 11 дня 1890 г.

отецъ ключарь, о. В. приходитъ домой съ похоронъ и говорить женѣ: «Ну, Катя, теперь моя очередь умирать».

16 января 1891 года о. Василій заболѣлъ очень сильно. На третій день своей болѣзни онъ сказалъ женѣ своей: «если ужъ мнѣ суждено теперь умереть, то распорядись, Катя, такъ: сшей мнѣ новое бѣлое облаченіе, сорочку приготовь заранѣе, въ ней меня и соборуйте. На соборованіе пригласи моего духовника (прот. І. В. Любомудрова), оо. Альбицкаго, Боброва, Смирновскаго, Позднева С. С., Владыкина, Палимпсестова и Лебедева. Желалъ бы пригласить о. каедр. прот. А. З. Метаніева, но совѣстно беспокоить его; а на похороны уже непременно пригласи и его. Хотѣлось бы быть похороненнымъ возлѣ церкви. «Мнѣ кажется, что Преосвященный разрѣшилъ бы». Ему замѣтили, что лучше лежать вмѣстѣ въ родной могилѣ. «Ну, какъ хотите».

Послѣ этого разговора покойный былъ сильно взволнованъ и долго не могъ успокоиться. По совѣту доктора, пользовавшаго его, вызваны были телеграммою дѣти, два сына. Они пріѣхали на другой день послѣ посылки телеграммы. Больной очень обрадовался пріѣзду сыновей, охотно принималъ ихъ совѣты и услуги. Какъ счастливъ былъ больной послѣ посѣщенія его добрѣйшимъ Архипастыремъ, Преосвященнѣйшимъ Авраміемъ!! Послѣ этого дорогаго посѣщенія онъ сдѣлался покойнѣе. „Ну, слава Богу, говорилъ больной, Преосвященный успокоилъ меня, теперь я ужъ не буду беспокоиться о благочинническихъ дѣлахъ“. Но чрезъ нѣсколько минутъ говорилъ совсѣмъ другое: „ахъ, досадно, что не во время захворалъ; такое множество дѣлъ, а я лежу“. — Добрѣйшій Владыка каждый день, иногда даже не одинъ разъ, присылалъ узнать о ходѣ болѣзни больного. Больной пожелалъ пособороваться. Во время соборованія лежалъ, но былъ достаточно бодръ, такъ что самъ держалъ свѣчу и по временамъ крестился. Твердымъ голосомъ, хотя и съ волне-

ніемъ, произнесъ больной три раза: «благословите, отцы и братія, и простите мя грѣшнаго».

Когда послѣ соборованія народъ разошелся, больной пожелалъ остаться одинъ и видимо успокоился. 6 февраля не стало о. Василя Егоровича. На печальный звонъ колокола, даваго знать о смерти настоятеля церкви, быстро сошлись прихожане. Квартира была биткомъ набита любившими своего «Батюшку, о. Василя». Это было въ среду. Въ пятницу предложили было совершить погребеніе, но Владыка распорядился, чтобы въ пятницу только вынести покойнаго въ храмъ, а погребеніе назначилъ въ субботу. Благодаря этому распоряженію Архипастыря, прихожане имѣли полную возможность воздать *последнее цѣлованіе умершему*. Всю пятницу и раннее утро субботы массы народа постоянно входили въ храмъ проститься съ «Батюшкой» о. Василемъ и выходили изъ него всѣ съ искреннимъ сожалѣніемъ о потерѣ «отца роднаго».

„Не najить намъ такого священника“ — это и подобное постоянно слышалось со всѣхъ сторонъ. — 8-го въ 9 часовъ утра съ крестнымъ ходомъ покойный вынесенъ былъ въ храмъ. О перемѣнѣ дня погребенія неизвѣстно еще было народу, почему храмъ былъ полонъ желавшихъ въ послѣдній разъ помолиться съ своимъ любимымъ «Батюшкой о. Василемъ», или хоть около гроба его.

„Итакъ, совершилась надъ тобою, почившій нашъ собратъ, всеблагая воля Божія“. Такъ началъ свою горячую рѣчь о. прот. А. И. Архангельскій, когда гробъ поставленъ былъ на мѣсто. „Не стало еще одного изъ ревностнѣйшихъ, усерднѣйшихъ, лучшихъ пастырей Богоспасаемаго града Саратова. Ты пришелъ сюда — въ храмъ Божій, и не пришелъ уже, а принесенъ на священническихъ рукахъ, пастырь добрый, полагавшій и положившій душу за овцы своя, въ послѣдній разъ, — и пришелъ не за тѣмъ уже, за чѣмъ ты въ теченіе столь многихъ лѣтъ непрестанно пребывалъ

здѣсь, принося въ созданномъ твоими трудами и руками хра-
мѣ безкровную жертву и неустанно съ любовію возвѣщая
любимой своей паствѣ глаголы живота вѣчнаго. Конечъ
этимъ любвеобильнымъ и спасительнымъ глаголамъ“.

„Ты пришелъ къ своему Пастыреначальнику, какъ нѣ-
когда праведный старецъ Сумеопъ, за отпущеніемъ тебя въ
иную, новую жизнь: нынѣ отпускаеши раба твоего Владыко.
Тотъ предъ своею смертію удостоился принять въ свои объ-
ятія Спасителя своего, а ты удостоился еще большаго: за
день до твоей истинѣ блаженной кончины ты преис-
кренне соединился съ своимъ сладчайшимъ Иисусомъ въ свѣ-
тѣйшемъ, пренебесномъ таинствѣ причащенія пречистаго
Тѣла и пречестныя Крове Его. Ты пришелъ за послѣднимъ,
трогательно-умилительнымъ погребальнымъ напутствованиемъ
тебя въ загробную, вѣчную жизнь. Мы, во время твоей не-
долгой, но тяжелой болѣзни, молились Господу о поднятіи
тебя съ одра болѣзни, но Ему не угодно было внять на-
шимъ недостойнымъ молитвамъ. О, безжалостная смерть! За-
чѣмъ ты такъ безопадно и безъ разбора посѣкаешь страш-
нымъ мечемъ своимъ нужныхъ еще здѣсь и дорогихъ людей,
обходя тѣхъ, кои сами уже ищутъ тебя? Что сіе, еже о
насъ, бысть таинство! Нѣсть ваще, разумѣти времена и лѣ-
та, яже Отець небесный положи во власти Своей. Кто ра-
зумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть? Что убо
житіе наше, о человѣцы! Пары бо есть, прахъ, соніе, меч-
та, что всеу мятемся! Какъ живо приходятъ на память па-
мятныя слова бывшаго нашего Архипастыря, Преосвящен-
нѣйшаго Евѳимія, обращенныя къ окружавшимъ его предъ
кончиною его: „живите, не чуждаясь живаго, но помните
часъ смертный, который приходитъ, видите какъ, указывая
на себя, неожиданно“. И на тебя, нашего собрата и друга,
добраго пастыря и отца, также неожиданно“, внезапно най-
де тяжелая болѣзнь, а за нею и страшный часъ смертный.
По внезапности сразившей тебя болѣзни и неожиданности

смерти, ты лишень былъ возможности проститься со всѣми нами. Позволь мнѣ, одному изъ горько сожалѣющихъ и болѣзнующихъ о такой трудно-замѣимой потерѣ, вмѣсто тебя, уже неглаголющаго съ нами, сказать послѣднее твое слово. Прости безцѣнное мое сокровище и утѣшеніе—храмъ Божій, селеніе Господне, въ коемъ желала и скончалась душа моя, куда она стремилась, какъ елень, на источники водные. Прости на вѣки горячо любимая мною и также горячо любившая меня паства, которой я, нерѣдко въ ущербъ другимъ, болѣе близкимъ по человѣчеству, обязанностямъ, отдавалъ съ любовію и самопожертвованіемъ всего себя, отдавалъ съ радостію, а не въздыхающе. Теперь безсмертный мой духъ еще яснѣе зреть твою неліцемерную любовь ко мнѣ, выражающуюся въ горькихъ слезахъ и рыданіяхъ о мнѣ. Вотъ когда радуется неизглаголапюю радостію духъ мой, видяцій въ тебѣ, собравшейся въ такомъ великомъ множествѣ помолиться о мнѣ Господу, великое заступленіе за меня грѣшнаго предъ праведнымъ и грознымъ Судією. Теперь я вижу, слышу и безмѣрно радуюсь, что нелѣпное мое дѣланіе вознаграждается сторицею. Прости моя дорогая школа—училище вѣры и благочестія, и тебя я любилъ и лелеялъ, принимая къ благоустройству твоему всѣ возможныя для меня мѣры; и на тебя я положилъ не мало трудовъ и въздыханій; и ты, вѣрую и утѣшаюсь, много можешь мнѣ на странномъ судици Христовѣ. Простите сопастыри и сослужители мои, простите сродницы, друзи и знаеміи, простите всѣ и за все, и цѣлуйте мя, въ знакъ христіанскаго всепрощенія, послѣднимъ цѣлованіемъ, къ Судіи бо отхожду. Гряди, добрый пастырь и доблестный воинъ Христовъ, гряди бѣзтрепетно къ Господу и Судіи, на нивѣ коего ты неустанно—съ утра и до вечера твоей жизни работалъ, какъ усердный слуга и до конца вѣрный рабъ. Гряди и воспріими должный динарій. Съ дерзновеніемъ смѣемъ засвидѣтельствовать о тебѣ предъ Господомъ: ты былъ об-

разъ вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою. По истинѣ, ты подвигомъ добрымъ подвизахся, течение скончахъ, вѣру соблюдахъ. Прочее убо соблюдается тебѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ти Господь въ день онъ праведный Судія. Уповаемъ несомнѣнно, что и ты, какъ усугубившій вѣренный тебѣ отъ Господа талантъ, услышишь отъ Него онъ сладчайшій и возжеленнѣйшій гласъ: рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю, вниди въ радость Господа твоего, радость вѣчную, нескончаемую. Не забудь тогда и насъ грѣшныхъ въ своихъ предъ Господомъ молитвахъ, какъ и мы не забудемъ тебя, дондеже есмь“.

Эта горячая рѣчь не разъ вызывала общій плачь слушателей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМА ПАЛОМНИКА.

ПИСЬМО СЪ ПУТИ ОДИНАДЦАТОЕ.

Иерусалимъ.

Русскіе паломники путешествуютъ изъ Иерусалима нерѣдко одни безъ проводниковъ, — когда въ ихъ компаніи есть мужчины бывалые и женщины, хорошо знакомыя съ палестинскими дорогами. Но мы отправлялись на р. *Иорданъ* въ такое время, когда никакой компаніи не было кромѣ насъ троихъ и одного молодаго человека изъ Курска (онъ съ Аэона не отставалъ отъ насъ). Конечно, мы должны были обезпечить себя охраною. Въ такомъ случаѣ паломниковъ выручаетъ русское консульство: оно, въ счетъ ихъ, даетъ своего вооруженнаго каваса и еще араба изъ шейховъ (начальника рода — одного изъ тѣхъ племенъ арабскихъ, которые кочуютъ около Иордана), а этотъ шейхъ, за свою порукою, нанимаетъ ослонъ и при каждомъ проводника — араба изъ своего же племени. Съ нами кавасъ былъ православный черногорецъ атлетическаго сложенія; въ глазахъ, въ каждой чертѣ его лица проглядывалъ героизмъ и вѣрность долгу. Къ нему съ перваго раза мы расположились, ара-